

Самуил Шварцбанд

С
Х
О
Л
И
И

Самуил ШВАРЦБАНД

СХОЛИИ

Стихи

Иерусалим

2003

Samuel Schwarzband. Comments
Poems

Illustrations by Alexander Okun

© *Shmuel Schwarzband, 2003*
Mount Scopus, 91905 Jerusalem, Israel
E-mail: schband@yahoo.com
Phone: 972-2-6798732

© Alexander Okun, 2003 (*two pictures*)

Jerusalem Anthologia Association
Jerusalem Literary Review Library

ISBN 965 — 7129 — 20 — 6

Printed in Israel
Jerusalem 2003

БИБЛИОТЕКА ИЕРУСАЛИМСКОГО ЖУРНАЛА

Рисунки: Александр Окунь

Редактура: Владимир Хазан

Дизайн: Самуил Шварцбанд

Корректурa: Егор Алтер

Лого “Библиотека ИЖ”: Сусанна Черноброва

Редактор серии: Игорь Бяльский

© Самуил Шварцбанд, 2003

© Александр Окунь (два рисунка), 2003

Брату Григорию,
Гришеньке,
Гри...

О наградах не грезил, о славе не чаял.
И по небу не ползал, и к земле не причалил.

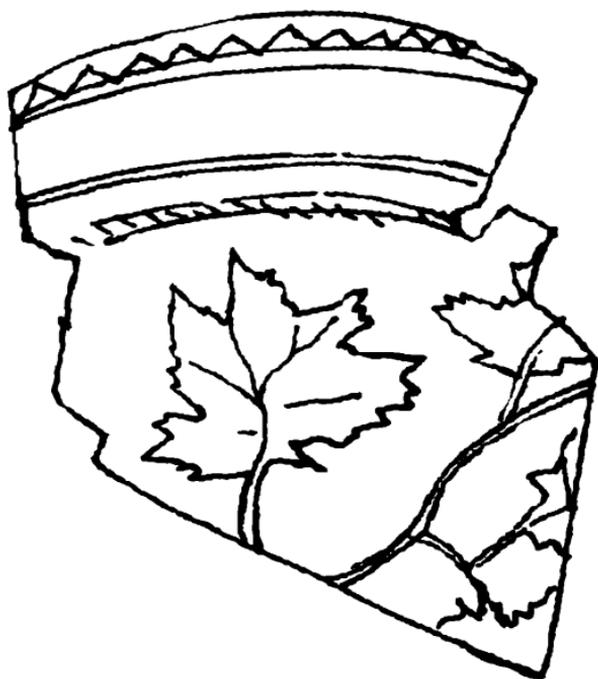
Да и эти странички, как листья осин,
Покружатся и лягут на топи трясин,

У которых ни роду, ни имени нет,
А тем более речи... И умный сосед

“Се ла ви” пробормочет, нажав на стартер.
Вот и все. Остального не вижу в упор.

Но пока трепыхаюсь — краду у ночей
Примечания к жизни твоей и моей.

Из книги "Черепки"

О, будь светла, ночная мгла,
Пока душа еще трепещет
И жизнь свободе рукоплещет,
Как будто ангел, в два крыла.

...Вот так, к вагонному стеклу
Прильнув, естественней и проще
Прощаться надо с каждой рощей,
Спешащей весело во мглу...

И ночь в глазах,
И тлеющие звезды,
И чуткая пульсация волны,
И жизнь моя, прозрачнее, чем воздух
В сибирский день за месяц до весны.
И ветерок, за шиворот скользнувший,
И капелька тяжелая дождя,
И даже запах жимолости душистой —
Равны тебе!

И — нет их без тебя...

Александрю Блоку

1.

Проели, пропили
И все промотали,
Кораблик на шпиле
К земле приковали.
И лишь над кронверком
С крестом на плече
Ангел не меркнет —
Подобно свече,
Сияет в ночи,
Осеня крылом
Огарок свечи
У него над столом...

2.

То ли сердце источилось,
Надоела ль чехарда, —
Только мне давно не снилась
Петербургская звезда.
И в пустынном поднебесьи
Не могу никак найти
Отголосок старой песни,
Им забытый на пути...

... Друг затерянный, мой дальний,
У Исакия ль в ночи
Иль под сенью у Ростральной
Помяни на две свечи,
Отыщи, прошу, в бурьяне —
Не у нищих дев и вдов —
Искру Божию в тумане
Откликающихся слов...

3.

Я стою посередине —
Старый храм:
На колоннах паутины,
Голубиный гам.
Пустота его,
Как яма, —
Без речей,
Потому что в старом храме
Нет свечей.
Только тени привидений
По углам.
Никуда себя не денешь,
Старый храм.
Но, где образ, словно знамя,
Развевается,
Наши души в старом храме
Бьются в купол голубями —
Разбиваются...

4.

...а поздно вечером в соборе,
когда светильники темны,
старушка в траурном уборе
стоит безмолвно у стены.

Подслеповатыми глазами
поверх меня она глядит
и ждет, когда над парусами
девичий голос зазвенит.

Но в этой муке ожидания —
благословением земли —
плывут, теряясь в мирозданьи,
не встреченные корабли...

Я приснился себе молодым:
С неистраченной силой и болью —
И хотелось поспорить с судьбою,
Что останусь до смерти таким.

Хочешь, не хочешь — душа на замке,
Словно забытое слово в строке.
Как не склоняй ты известную мать,
Ищешь ключи — и не можешь сыскать.

...Вдруг они выпадут, в звоне дрожа:
Целы замки, да исчезла душа...

Орфей? Орфей...

Да кто из нас — Орфей?..

Сойти бы в ад за тенью Эвридики
И, притворившись мертвым у дверей,
Увидеть исчезающие лики...

Какой бы Цербер в памяти возник?
А, может, цензор?

Двери отомкнули —

И сиротливо толпы Эвридик
Бесплотные ладони протянули...

Но глух к мольбам сегодняшней Аид,
Живых не впустит даже ненароком.
Зачем я шел? Напрасная дорога...
Еще один сандалии скоблит
И повторяет все имя Бога...

И просыпаться вновь,
И вопрошать: “А где я?”,
И, как печальный зов,
Припомнить — Иудея...

Пусть прячется луна,
Строка отыщет след
И вытащит со дна
Колодца слов и сна
Причины общих бед.

...Стерне до боли
В мороз дано
Под горстью соли
Растить зерно...

Е. А. Александровой

Городище Трувора,
Крест-валун.
Сколько передумано
Было дум.
Да поверху схвачено.
Не до дна.
Голубою ящеркой
Времена.
Купола, как ялики
Диковинной земли...
На могилы яблоки
Дозревать легли.

Чужие судьбы, вписанные в свитки,
Как молнии над памятью моей...
Пора, мой друг, раздаривать пожитки
И нисходить в Элизиум теней...

Идти босым по камням Арамеи
К руинам, где столетья, не года,
Две грешных тени — Лота и Орфея —
Ждут не дождутся страшного суда...

Какие песни пели боги,
Припоминая о земле,
Когда встречались на дороге
В кромешной мгле,
В кромешной мгле?

Какие песни боги пели
В тоске творительной своей,
Когда им травы шелестели
Среди камней,
Среди камней?

Какие людям песнопенья
Они придумали в раю?..
Я их и в звуках наводнения
Не узнаю,
Не узнаю...

ОЛЬГИНЫ ПОРОГИ

Мне снова грезится: под ивами
Река и звон монастырей,
И говор волн велеречивый,
Чуть-чуть картавый от камней.

Мы пообтерлись и привыкли
К словам неточным, а народ
Назвал реку свою Великой,
Переходя беспечно вброд...

Как пейсы, вьются вниз города
С холмов в долины... Блестит слюда.

Над морем Мертвым, как над живым,
Летучей мышью кружит хамсин.

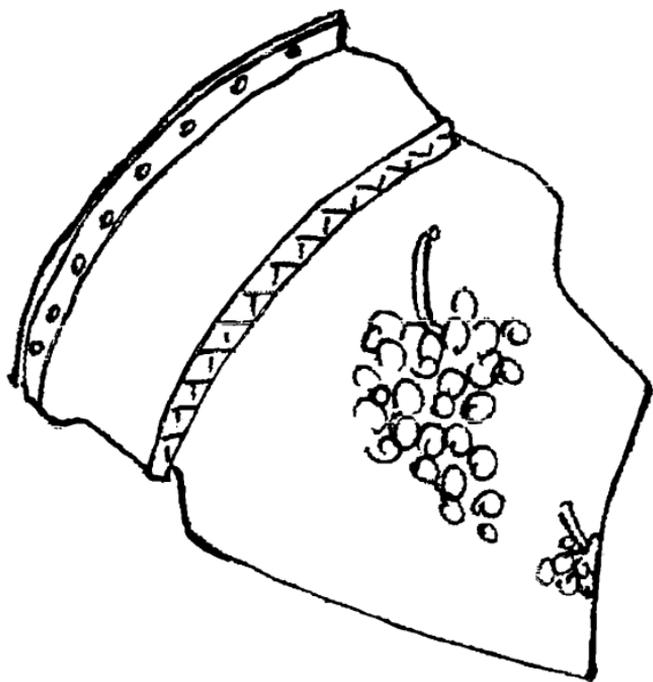
Пустая глотка мягка, как воск.
Вода, не водка, здесь сушит мозг.

И пьян давно я с... родных краев —
Налей-ка, братец, мне до краев...

С горы Кармель пытаюсь облака
Достать руками. Глупая затея.
До обморока морок. И бока
Окрестных гор не дышат, а потеют...

Есть две чужбины — Запад и Восток.
Теперь я понял, почему лениво
Вода морская в Хайфе на песок
Выносит тину Рижского залива...

Из книги "Летаргия"

Я тку за пятнадцать грошей полотно
И связан работой с расчетом.
А сколько Всевышнему стоит сукно,
Судьбу из которого шьет Он?

Когда обрывается тонкая нить —
Старания зряшны и лишни.
Другое сукно начинает струить
Сквозь вечные пальцы Всевышний.

А я завяжу узелок, волокно
На пяльцы ложится... Чего там...
Я тку за пятнадцать грошей полотно, —
Возьми их, Господь, за работу...

Моя биография? Ради чего
Писать о действительных датах
И в третьем лице тарабарить: “Его
Тогда-то сдавали в солдаты...”

Пусть лучше тире (в календарном ряду
Цифирей) ложится на кафель...
А я, проживя безымянным в аду,
Растаю в ночи и спокойно уйду
Без дыма и без биографий...

Ф.Федорову

Мы к Альбиону плыли на пароме.
Тускнели звезды углями вдали,
Пока в Париже или же на Кроме
Хоругви революции несли.
Катились волны прочь от гильотины.
И виделись нам в свете маяков
То головы бурбонские, то спины
Вандейских и поволжских мужиков.
А над паромом, сплевывая горе,
Торжественно-кровавой чередой
Всходили братья наши, и на створе
Двух стран луна казалась головой.
Она плыла за тучи и за плавни,
С проклятиями на сморщенных устах,
Как веки Вию, открывая ставни
На Гревской и на Красной площадях...

Смердило кровью, потом и резиной,
Скрипела ночь, раскачивался сон.
И не паром, а головы в корзине
Встречал на утро сонный Альбион.

Пока серебрится дождик и парк
(гладко причесан...),
я не уйду от тебя во мрак
вслед за вопросом.

Ты же и думать забудь о том,
что порознь — слаще.
...Срезал с канала фонарь веслом
маковку башни.

У Бастионки шуршат шаги
по листьям липким...
Только прошу об одном — не лги
пушкинской рыбке

и ничего не проси у нее,
даже былинки...
Пусть серебрится счастье мое
как паутинки...

Изумрудны стеклышки осколков
в ящиках от нищего вина...
Нам не умереть от перетолков
и не окочуриться от сна.

Вот и ты был выписан из книги
не из Вечной, а из "домовой",
чтоб по закоулкам старой Риги
не спешил с надеждами домой.

Больше не сбежишь от домочадцев
в первый переполненный состав,
чтоб на шпалах в Дубултах качаться,
вывихнув у Майори сустав.

Надо же как доля начудила?..
Вырвала последний корешок
И веночком в речку запустила,
но в стаканы вовсе не "чернила"*, —
Судьбы разлила на посошок...

*"Чернила" — дешевое крепленое вино

НА СМЕРТЬ Ю.М.ЛОТМАНА

“...А в Париже березы не хуже, чем те,
От которых в Рязани с ума посходили”, —
Шепчет ветер гуляющей в парке чете,
Нарушая каноны и стили.

В ярком свете окон и рекламных шутих
Мелкий дождь, протянувшись над Сенной,
Повторяет случайным прохожим “Юр.Мих”
И стучит по асфальту вселенной...

На грязном побережье Лимасоля
Сидеть и вдаль заглядывать вдвоем
Нам довелось, и в сумеречной соли
Шипящих брызг, резвящихся на воле,
Не говорилось даже о былом.

Пилили воздух скучные цикады.
В гостиницах устраивался люд.
И только длинноногие наяды,
Медлительнее строчек "Илиады",
Освободились от белесых пут.

И нам, еще присутствующим в чуде
Рождения натурщиц или шлюх,
Приоткрывалось таинство — не груди
В лагуне розовеющей, а дух
Забавно огорчаемых старух....

Шуршит кора седая эвкалиптов,
И на Мерон восходит дымка мглы,
Дописывая к вечности потскрипту
С таинственной загадкой Каббалы.

Сон не идет. Я тайнам не обучен.
Собой не озабочен. И во тьме
Рассматриваю жизнь как частный случай
Всеобщего бессмертья.

И ко мне

Не скатятся созвездья, а за ними
По краю серебристых облаков
В субботнем платье местные равнины
Не приведут своих учеников.

Внизу Кинерет, как скрипичный профиль,
Пиликает волной в полночный час...
Свари-ка, друг, по-бедуински кофе,
А вечность обойдется и без нас.

Р.Тименчику

Пусть волны мне шепчут: "Ночи и дни
Терпи, человек, вдохновенье
И мертвые воды до смерти гони
В тяжелые воды забвенья", —

Я знаю, Содом и Кинерет одной
Повязаны нитью потока:
Две смерти — от мертвой воды́ и живой —
Поэтам даны и пророкам.

“Ты живешь, и хуже — не будет” —
Это сказано было давно.
Только сердце по-прежнему нудит,
Разгоняя по венам вино...

Подсластить бы прошедшим, да Русью
Пахнут тонкие абрисы луж:
Ничего... Как-нибудь обойдусь я
И без кислого привкуса дружб...

УЗЕЛКИ

Р.П.

1.

Я, как и все, в своем житейском сне
пьянел от муки в радости и горе:
сожги со мною рукописи, мне
в летейской стуже надобно другое.
Слова всегда не больше, чем слова,
и жизнь не меньше смерти, и не больше, —
они имеют равные права,
и счастье только кажется, что дольше
бегущих стрелок времени на круг
разлуки предстоящей... И затишье
поэтому разгладит, как уют,
измятые во рту четверостишья...

Их перечтут? Какая польза в том...
Забудут их? Ни боли, ни мороки...
Еще я есть, но без меня — потом
окажутся без плоти звуков строки.
Вот почему, пишу или кричу,
я все равно из человеческой речи
летейское безмолвие учу,
труднейшее из мысленных наречий.

2.

Читаю “Песню песней” и твержу
Её слова: “Возлюбленный, беги...”.
А сам в жаре полуденной дрожу
И каждый шаг твой чутко сторожу,
И сил нет вырвать руку из руки.

Бубню я “Песню песней” у костра,
Шепчу ее при утренней звезде,
Хоть знаю: жизнь седее серебра
И у любви нет большего добра,
Чем сердце подготавливать к беде.

“Беги, возлюбленный, беги...” —
и не бегу.
“Побудь со мной, возлюбленный...” —
и прочь.

...Бессмысленна, как саван на снегу,
На черный день отложенная ночь...

3.

Качается в озере лодка заката
И мерная бьется о берег волна,
Как будто последняя выдана карта,
Да ставка — не та, и дырява мошна...

Краплеными брызгами пена. А дрёма —
Нежнее, чем кожа вечерней сосны:
Качайся, пока еще можешь, кулёма,
Досматривай жизнь, как досматривал сны...

Проклятая муза, старуха, ну чем
Меня соблазняешь, дуреха?..
Я мучился вовсе не поиском тем,
В ночи задыхаясь от вдоха.

Мне воздуха мало, не то что твоих
Давно надоевших бряцаний
О том, что случайно навеянный стих
Не хуже небесных мерцаний.

Но мне-то известно (без иктов и без
Игры абсолютного слуха),
Что жизни всегда остается в обрез,
Не так ли, болтливая шлюха?..

А я получаю от каждого дня
Какие-то жалкие крохи.
Ну, что ты опять караулишь меня
На выдохе, а не на вдохе?..

АЛЕФ,

БЕТ,

ГИМЕЛ,

ДАЛЕТ...

2

За углом от Бен-Иегуды
Я прокручивал часами
То, что, видимо, не будет
Повторяться больше с нами.

Старики о чем-то жарко
Спор вели, гримася лица.
Свечка меркла, у огарка
Отрастали пейс косицы...

Фильма кончилась. И зала
Обезлюдела на треть.
Завтра вырежу начало,
Чтоб концовку досмотреть...

Вольфу Московичу

Почти в блокадной суматохе
Сиюминутных бед и строк
Прошли —
 и прошлым стали крохи,
Перезапрятанные впрок.

Я сплю,
 а вытканый сосною
В прорехах веточек рассвет
Уже не кажется сумою,
В которой места счастью нет.

Я сплю,
 а солнце суетливо
Не шепчет жалкие слова
О том, что горькая олива,
По существу,
 опять права.

Я сплю,
 и сумерки лукаво
Уже у света не крадут,
Как ренессансную отраву,
Остатки двух иль трех минут.

Мне снятся улицы и лица,
И город в сумрачном тряпье,
Где тень Давида от Уффици
Перемещается к толпе...

Ну как там, Бродский, на свете новом?
Небось, не лезут с говеным словом?

Сидите молча, вдвоем с богиней.
Лишь на ресницах карельский иней.

Недаром вечность, сойдя с Голгофы,
Привычной стала, как утром кофе...

Покой, как небо, — везде и всюду.
И даже черти не бьют посуду...

А здесь все так же — зимой и летом
Без изменений на свете этом...

С. Чернобровой

Лижут медленные волны
Свай зеленое гнилье,
Где дворцы на треугольных
Тенях дремлют... Не жилье...

Камень, красный от креветок,
В море прячется до плеч,
Словно в дымку Каналетто,
Лишь бы крышу убережь...

Впрочем есть иная мера,
Если видели вы, как
Месяц в стойке гондольера
Заплывает на чердак.

Тихо... Чайки прилетают
На предутренний фуршет.
Ах, Венеция золотая —
Шутка из папье-маше...

САНТА-МАРИНЕЛЛА

Рите Джулиани

Если море посерело,
Жди к восьми часам прилива.
Волны в Санта-Маринелла,
Словно римлянки, болтливы.

Я хотел дослушать басни,
Тары-бары, разговоры,
Как судьба порою дразнит
Белым шелком Айседоры...

Только с морем шутки плохи...
Впрочем, с волнами не проще —
И они седые охи
Катят к берегу и квохчут

То да се о гороскопах.
Но ни слова, ни намека
Не доносят до Европы
Из страны моей далекой...

Не зря же я приветствую рассвет,
хоть мною все подвергнуто сомнению,
И пусть мне не дано шагнуть за “бэт”,
начальной буквы в книге откровенья, —

не выдаст тайну Он и не предаст
анафеме последнюю из тварей,
лишь отнесет меня Экклезиаст
в Гиват Шауль* и пустотой одарит.

А кто там прав Шамай или Гиллель? —
мне все равно... Да и не вспомню... Все
считаю пульс: вот кончится капель
и я засну за тридевять земель
и, душу выдохнув, бессмертие задую...

*Гиват Шауль — иерусалимское кладбище

Листая книгу тонкую, дичок,
припомнишь говор, хриплый и горячий,
И пыль сметешь с моих небритых щек,
Как будто я — не фото, настоящий.

Мы редко ворковали и всегда
войну вели за то или за это,
и стоило немалого труда
дойти вдвоем из Двинска до Толедо.

Уборка, стирка... И уже — одна...
И я не позвоню... И не нагряну...
Налей себе тосканского вина
и вытащи закладку из Ростана.

...Приходит полночь. В Пате — тишина,
привычно все, немного одиноко...
Смотри, опять прозрачная луна
покрыта пылью северо-востока...

А в городе вечном дано усмотреть
Сближенье случайных подобий:
И розовый сок сквозь зеленую медь
Соборов и римских надгробий;

И пьяную киноварь ягод среди
Застывших мозаик, и даже
Карминную кровь, от которой зудит
Безумная ткань Караваджо...

Саше Окуню

...Но я еще, клянусь тебе, увижу
треклятый мост над Тевере в огне
и Паскуале, скрывшегося в нише
от римского презрения ко мне.

Когда б судьбе не вычудить такое,
поверил бы, что мир неисправим
без этих фресок, треснувших от зноя
и счастьем обернувшихся моим.

Недаром там, у домика (понеже
созвездья стынют в томной темноте)
опять болтает что-то Форнарине
пришелец из Урбина о холсте,
который он придумал и напишет,
хотя вчера взбешён был и ревнив
(и я, как Паскуале, прячусь в нише,
Браманте из себя вообразив,
поскольку знаю: глупой вертихвостке
ни образы, ни краски не нужны)...

Но в Риме все дворы и перекрестки
Торжественными ритмами полны:
и клетоты фонтанов, и миазмы
по закоулкам в трепете страстей,
и Паскуале, подлый от сарказма,
и я среди непрошенных гостей,
а, может быть, свидетелей случайных
оживших встреч и выдуманных лиц —
все было в Риме таинством и тайной
преображенья мира и границ
земли и неба, сумерек и ночи...

Но я клянусь: из выси иль со дна
еще не раз на виа делла Кроче
приду с бутылью зрелого вина.

ב

Б.А.Успенскому

Я Рим люблю не столько за красу
цветущих крыш или заросших зданий,
я Рим люблю за то, что на весу,
как на ладони, держит мирозданье.

Еще за миф о вечности люблю
с волчицами, крестами и орлами,
за роскошь льда под маринадом блюд,
за дымку на вечерней панораме.

Еще за то люблю, что духота
замешана на аромате вони,
когда не с неба — с узкого моста
летят созвездья в римские ладони...

Возле банка Святого Духа
Мне всегда выпадала непруха.

...На сиесту ли я ворчал,
Прячась в тень под стреху карнизов,
Или в дождик с утра торчал
Среди нищих иконолизов —

Банк закрыт был,
и в сотый раз
Я читал на доске: “Челлини
Здесь работал...”

А старый вяз
Выганцовывал в кринолине
Желтых листьев свою же тень....
И с тоскою глядел я букой
На прохожих.

И целый день
Из-за штор не слышал ни звука.
И сквозь щели не мельтешил
За окованной дверью шорох.
Лишь стоял, проглотив аршин,
Римский зной, и о сутенерах

Девки спорили...

Надо мной

Было небо пустым и синим...

И я брел от реки домой,

Не дождавшись опять Челлини...

Сергею Бочарову

Бег по Кóрсо*: вечереют лица
и мигают звездочки со дна —
лучше мне в проулке “У волчицы”
посидеть за рюмкою вина.

Справа — только парочка голубок,
слева — профиль каменный орла,
шорох шин и мягкий шелест юбок —
вот и все, что выдумала мгла.

Но за это, весело и просто,
Рим меня от глупости спасал
теплотою дома Ариосто,
двориком, где Санте ночевал.

И в словах, обычных и бескрылых,
об Изборске, виделось тотчас,
как в Преображенье на могилах
дозревают яблоки за нас.

*В древнем Риме здесь устраивали бег собак и евреев

РОМАНС

Звезда моя, затерянная в Риме
Среди посольств и прочей чепухи,
Тебя никто у неба не отнимет
За прошлые иль новые грехи.

Звезда моя, княгиня, первопутка,
Сияй своей лучистой красотой
Еще тысячелетья, но минутку
Побудь не с вечным Римом, а со мной.

Не исчезай, я скоро сам растаю.
С тобой молчать — почти что говорить.
Дай докурю и выпью кружку чаю.
Еще чуть-чуть. И можешь позабыть.

Еще чуть-чуть. Вот кончится одышка,
А с ней и ночь, и жалобы, и Рим.
Звезда моя, воробышек, ледышка,
Давай еще за жизнь поговорим...

Что рассказать, Челлини, о себе?
Ты бурно жил и был искусству верен.
А я пронес молчанье на горбе,
Но не об этом говорить намерен.

Сам по себе. Отнюдь не знаменит.
Не делал зла. А мог бы — и с лихвою.
Мой нежный брат, художник и бандит,
Пойдем сегодня вечером со мною

В какой-нибудь уютный уголок
В Трастэвере иль в Кампо ди Фиори,
Где я о первой родине бы смог
Тебе поведать в ярости и горе.
Судьбе спасибо. Никого убить
Не довелось ни трезвым мне,
ни пьяным...

Но не об этом стоит говорить
Расхристанным руинам и фонтанам,

Которым ты так много задолжал,
Напарника прирезав бестолково.
А я приехал сам — не убежал
Из древнего отечества, второго!

...Все остальное вечер не вместит:
Нас прошлое калечит, а не лечит.
Поэтому и небо шелестит
Просодиями речи человеческой...

ПЛОЩАДЬ ИСПАНИИ

Боже, храни идиотов,
Славящих имя Твое.
Мне же оставь для заботы
Бедное сердце мое.

Горький семит, не ариец,
Тихо сходящий в Хинном,
Мне ли зачатъе Марии
Праздновать в Риме вином?

Значит, опять не покаюсь?
Впрочем, Тебе лишь скажу:
Гордо к Бернини спускаюсь,
Будто с Синая схожу...

Н.Зейфман

На вилле Адда римская дремота
Связала дождь из нитей серебра.
Уложены пожитки и риссото
Пыхтит в кастрюле с самого утра.

Бесстыдно мокро, подло и уныло
Сидеть на крыше, думая о том,
Что завтра не увидишь кампанилы
И не уснешь в сиесту под мостом.

В Трастевере на улицах веселых,
Где жарят хряка или же тельца,
Не обалдеть уже от Карманьолы
Какого-то заезжего певца.

Который час? Полпервого... Присядем.
Пахнуло сеном с Марсовых полей...
Душа горит от Рима, как от ссадин,
Но расставанье — кажется больней...

Сонечке

Треть нашей жизни кажется содомом,
Две остальные — выгорают с ним.
Прощай, мой Рим, меня заждались дома,
Где грозный бог казнит Иерусалим.

Послы его securiti иль santi,
Быть может, завтра шлёпнут на глаза.
Прощай, мой Рим, налей немного кьянти,
Пока жду рейса в божьи небеса.

Прощай, мой Рим! И весел будь, и светел
На все четыре стороны!

Клянусь,
Не оглянусь на этом белом свете,
Да и на том, клянусь, не оглянусь!..

۲

Иудейский серп
Поперек ночей,
Как меж двух судеб,
Как меж двух гвоздей.

.....

Никого вокруг.
Только свечи звезд.
И не спрятать рук —
Гвоздь по шляпку врос.

Не подняться вверх,
Не сорваться вниз...
Вот и весь мой грех
Под гвоздями виз.

В отказе я придумывал забаву,
Пока осенний дождик моросил:
Наступит час торжественный во славу
Того, чье Имя не произносил.

Тогда я, мерзость плена отряхая
В дорожный прах, без умысла и зла,
Проговорю: “Провинция глухая
Величественный Рим пережила...”

Но жизнь умней придуманных обетов.
И на устах у Мусорных ворот
Лежит печать, как царственное вето,
И говорить о прошлом не дает.

“У ПАРАШЮТИСТА”

У Нисима всегда перед субботой
Полно людей, как мошкары в траве,
Чтобы за мясом с водкой до икоты
Успеть промыть все косточки братве.

Подчас и я, устав от завиранья,
Сижу за рюмкой горькой и гляжу
На лица — образцы чистописанья,
Понятные раввину и ежу.

Дурак в кожанке с рожей нуворíша,
Поэт-хабадник, дамочка с бедой
И пьяница — одним четверостишьем
Готовы стать за пивом и едой.

А рядом с ними, ёрник и художник,
Балдея от шипенья шашлыков,
Завертывает позы в подорожник
Придуманных полотен и листов.

У Нисима всегда перед субботой
От русской речи — синие столбы,
Как будто дожидаются кого-то
В урочный час накормленной судьбы...

Геенна Огненная! Тихий Бней-Гинном...
Долина ада... Падчерица Сдома...
Здесь небо опрокинуто вверх дном
Засохшего от века водоема.

С него слеза не скатится сюда,
И не ударит молния по щебню.
Лишь на рассвете желтая звезда
Заглянет вниз и удерет в деревню.

А по соседству музыка и чад:
В синематеке — ужасы и страсти.
За что, Господь, наказываешь ад,
Просящий спасу от людской напасти?

Ответа нет. Густеет темнота.
Вопят ослы. Не слышен голос гида.
И запах серы с пылью у моста
Мешает ветер в городе Давида...

Тихие сумерки. Воздух рассеян.
Дышат прохладой камни уже.
Вот и звезда, повернувшись на север,
Стала желтей на небесном верже.

Время торжественно стелит, как свитки,
Тени на сизых террасах холмов.
Старый еврей в белоснежной накидке
Шепчет натруженно кружево слов.

Тут же вдогонку с натягом резины
Через руины и через Сион
Гулко зашлепал призыв муэдзина,
Перебивая церквей перезвон...

Смолкли молитвы.

И праздничный вечер

От Тальпиота катит луну
В черную пасть Бней-Хиннома,

где вечность

Тоже отходит ко сну.

И. А. Дейфту

На самом краю преисподней
Стою, засмотревшись в овраг:
Подумаешь страсти Господни
В анналах еврейских писак?
Нам тоже достались упреки,
Узилища, смех палачей,
И вера, что близятся сроки
Последних предсказанных дней.

Но, миссию спутав с Мессией,
Посмели из дома уйти —
И грязь по столетьям месили,
И чуда дождались в пути,
И поле горшечника вместе
С прудами без капли воды
Увидели, чтобы на месте
Приветствовать Божьи суды...

...Ударит по дну преисподней
Скатившийся камешек злой:
Подумаешь, страсти Господни
В сравненьи с еврейской судьбой...

С холмов Хеврона льется тусклый свет
Четвертой стражи. С тенями в обнимку
Досматриваю сны я, а рассвет
С долин снимает шапку-невидимку.

Куда ни глянь — песочные часы
С иероглифами сел и поселений
Отсчитывают жизнь мою. И тени
Посапывают жалобно, как псы...

...В понедельник сползала за Плаку
от Акрополя тусклая мгла.
Было душно, как будто на плаху
голова обреченно легла.

Запредельные сполохи томно
висли в небе, и сотни теней,
обожравшихся пищи скоромной,
прикасались к одежде моей.

Пели звонницы, юных венчая.
Запах ладана с паперти дул.
И стихири, как вина, мешая,
протодьякон “осанну” тянул.

Но когда, тяжелей парафина,
облака просочились в придел, —
даже я причастился к Афинам
и на тысячу лет постарел.

В.Хазану

Фабула вторника.

В желчи мимозы
мимо киосков, гостиниц, церквей
прямо к Метафоре с Метаморфозы
ночью иду за удачей своей.

В стоптанных улочках низенькой Плаки
после застолий темнеют дома,
возле которых не только собаки
в чревоугодьё сходили с ума.

В темной кофейне ни пьяниц, ни пива.
Дверь из чулана скрипит, как кирза.
Две иностранки, как дивы, болтливо
драхмы считают, тараща глаза.

Лишь у Ставракиса пусто и чисто.
Умер старик на закате.

И вот
скорбно зеваки, сирены, туристы
чинно уносят из Плаки живот.

...Мне до пристанища ходу не более
часу. Успею встретить рассвет...
За поворотом — улочка Схолия,
а за руинами — новый сюжет.

Над Ликавитом сияют мониста
звезд полустертых, я чуточку пьян...
Впрочем, прогулку, как мелочь туриста,
завтра же выброшу в первый фонтан...

У четверга нелегкая работа:
с утра ходить на “кладбища искусств”*
и делать вид, что началась охота
за антикой, и лопаться от чувств
у Фидия — при виде истуканов
иль от огранки бронзовых стаканов...
Потом, сидя за супиес с сувлаки**
под доброе со смолкою вино,
забыть о “Заппионе” и “Петраки”***,
Византию и турок заодно.
Вот галочка проставлена — и тут же
обмениваешь доллары на ужин...

...Я не был бы самим собой, когда бы
до вечера б не высидел в кафе,
подглядывая мирно, как арабы
меняют куфию на галифе,
иль слушая с улыбкой в центре сити,
речения на русском да иврите.

Пора кончать... Луна, как “щит Паллады”,
сияет жуткой радостью... Вокруг
прерывисто затренькали цикады
под всхлипыванье нежное бузук.

А я... напился. Видно, от досады,
увидев рядом с девушкой клубук...

* Ламартин

** супиес -- каракатица, сувлаки — мясо на вертеле

*** известные в Афинах здания

Габи

Гречанки отнюдь не похожи
на гибких вахканок: задор
угас — и ни страсти, ни дрожи
при входе в холодный собор.

К тому же не льются по бедрам
хитоны. И нет волшебства
в походке гетер. И над одром
влюбленных не шепчет листва
о чем-то богиням.

И даже
мне кажется, будто не здесь
стояла Афина на страже
воинственных дел и чудес.

Лишь серый от старости тополь,
прижавшись к собору стволom,
чуть слышно гудит про Акрополь
на новом наречье — чужом...

ПАМЯТИ Е.Г.ЭТКИНДА

Солнце ль нещадно палит?
Возраст ли душит меня?
Медленно я на Акрополь
утром субботним всхожу.

Где-то сидит Диоген,
вытянув грязные ноги...
И ни единой души
нет человеческой вокруг...

Сбоку колонны торчат,
возле которых японки
бурно ликуют. А мне
хочется броситься вниз...

Меирит

Под гекзаметр мифов и стóпы историй
о печальной корове по имени Ио
довелось выходить мне в Эгейское море,
как другим приходилось — в бессмертье свое.

Я приветствовал ночь на краю ойкумены
в понедельник, и смешивал “узо” с водой...
Жизнь свою описать бы в иероглифах пены,
не забыв при этом и строчки одной.

Рассказать бы дельфинам, откуда и кто я,
нашептать бы сатирам у стоек о том,
как учились любить мы не в стóях — в застоях,
и себя предавать как учились притом.

Впрочем, разве для этой безделицы создан
был язык человеческий в путях забот —
что ты можешь сказать о мгновениях звездам,
потерявшим и тысячелетиям счет?

Что ты можешь поведать небесной пучине,
не заметившей плывших и сгинувших? И
даже имя когда-то великой богини
ей не вспомнить уже, а не то что стихи...

Вдалеке промелькнули столбы Ариадны.
Кружева огоньков уплывают с террас.
Вместе с ними и мы в темноте виноградной
исчезаем... Как будто и не было нас...

1997-1998

Вадим Перельмутер

Не подводя итога

...Ну, что ты опять караулишь меня
На выдохе, а не на вдохе?

Так с музой еще не разговаривали.

Во всяком случае, мне про то ни читать, ни слушать не доводилось.

Во времена торжествующей иронии, к чему и она, муза, успела привыкнуть, произнести такое всерьез – значит, быть совершенно уверенным в точном соответствии ощущения – слову.

Вдохновение — вдох — лишь импульс, обозначение ритма, “приближение звука”, поэзия возникает на выдохе, который дается непросто, потому сторонится караульщицков-свидетелей, даже если это — муза.

Если не ошибаюсь, Роман Ким когда-то назвал послесловие-комментарий к книге Бориса Пильняка “Корни японского солнца” — “Ноги к змее”. Заглавие, на мой вкус, очень подходящее писанию о поэзии — в прозе.

Книга лирики, скрепленная фабулой более или менее отчетливо распознаваемых биографических знаков-примет и сюжетом жизни внутренней, наедине с собой, ветвится отступлениями.

Они-то и есть самое в ней существенное.

Если есть.

Здесь – возможность мысленного диалога читающего с пишущим, диалога, к которому допущен каждый, кто умеет думать и говорить, говорить – думая. Поэзия – по природе своей – диалогична. Ее монолог – не что иное, как разговор с самим собой. Лирическое высказывание проступает на едва уловимой границе между сказанным и несказанным: пустячный промах – сдвиг ударенья – неверный шаг – и нет ничего.

Лирик умеет ставить точку не *после* высказывания, но *самим* высказыванием. Даже если стих еще некоторое время продолжает звучать, он – только эхо, длящее не речь, но впечатление от нее.

Рассматриваю жизнь как частный случай
Всеобщего бессмертия...

Самуил Шварцбанд относится к своему стиху, по видимости, без малейшего пиетета, говорит – “как сказалось”, словно бы само собой. Но по тому, сколь тщательно скрыт малейший “след работы”, можно судить – какова была работа: *до* того, как результат ее открылся посторонним взглядам. Подчас даже кажется, что строки умышленно (чуть не “демонстративно”) не *доведены* до афористиче-

ского блеска, его “восклицательность” могла бы нарушить движение интонации, естественность которой и образует *книгу*, ту “ношу”, какая не под силу одному, пусть презамечательному стихотворению.

“В стихе хочу сказать то, что сказать хочу”, — настаивал Вяземский, поясняя: почему никогда не пожертвует мыслью — звуку.

Редкие и легкие неточности концевых созвучий, сбой ритма, когда выдох сменяется вдохом не в конце, а внутри стиха, у Шварцбанда, по-моему, — той же природы.

Они всегда *смысловые*.

Не “просчеты мастера”, с кем не бывает, но понимание мастерства — как дара употреблять каждый технический прием по его единственному назначению.

И, главное, быть может, труднейшее, *не употреблять* — когда он может ввести в заблуждение, выдать одно за другое, внутреннее сомнение за внешнюю уверенность.

Искусность не становится искусственностью, чтобы различить ее, приходится внимательно приглядываться. И тогда обнаружишь просверк аллитерации или замечательно точный эпитет, этот фирменный знак, “отпечаток пальца”, ни с чьим не могущий совпасть:

Какие песни боги пели
В тоске *творительной* своей?

Или деталь картины, делающую ее *карти-
ной*:

До обморока морок. И бока
Окрестных гор не дышат, а потеют.

А еще, видимо, неизбежную у эмигранта
“тему Агасфера”, так часто уже в поэзии бы-
вавшую, что теперь ей можно отвести строки
две, не более:

Вода морская в Хайфе на песок
Выносит тину Рижского залива.

И переключку с другим, уже давним, эми-
грантом, с его двойственным вздохом: “Как
упоительно и трудно, Привыкши к слову, —
замолчать”, — распознавание которого, с
умыслом или нет, не знаю, затруднено *сдвигом*
“пушкинского” четырехстопного ямба в не
менее обыденный пятистопный:

Летейское безмолвие учу,
Труднейшее из мысленных наречий.

Вообще разного рода переключек с пред-
шественниками у Шварцбанда немало, вы-
являть их все, вернее, все замеченные мною,
не хочу потому, что у автора они, как пра-

вило, неявные. Пускай этим займутся любители дешифровок.

Мне интереснее другое.

При разговоре о поэзии нередко смещаются, перемешиваются и переплетаются два понятия: естественность и искренность. Сходство несомненно, но различия куда существенней. Естественность может быть “установкой”, “принципом”, даже “органической манерой” автора.

Однако она вовсе не обязательна – и зависит лишь от тех эстетических задач, которые решаются художником: либо в одном сочинении-произведении, либо во всем, что он, именно он, делает.

При этом “естественность” неизменно остается *одной из* разновидностей, возможностей стихотворной речи – *условной* по определению. Просто автору в данном конкретном случае потребовалось *искусство быть естественным*.

С искренностью дело обстоит иначе.

Она – не “прием”, не “способ” и не “форма” высказывания, хотя, на мой взгляд, тоже в поэзии не непременна.

Достаточно припомнить любое из множества лирических сочинений, написанных, так сказать, не от первого лица. Например, стихи Браунинга или Саути, или Эминеску и

далее — везде, в любом языке, на котором пишутся стихи.

Она — не характеристика, ни, тем паче, “оценка” произведения.

Об “искренности” говорят тогда, когда автора хвалить больше не за что.

А у поэтов она есть... иллюзия, род самообмана.

Или то, что почтенный классик некогда назвал “энергией заблуждения”.

Противоречивость всякого творчества в том и состоит, что в каждый из фрагментов жизни художник *думает* (“убежден”), что изображенное им “так и есть”. Но из любой следующей точки оно видится совсем иначе.

У англичан есть поговорка, обозначающая возраст после сорока: “На теневой стороне жизни”.

Изрядно углубившись в эту тень, Сомерсет Моэм написал мемуарную книгу “Подводя итоги”. После чего прожил еще три десятка лет и сочинил с десятков книг.

В стихах Шварцбанда *тема* “подведения итогов” варьируется на всем протяжении книги, неравномерно появляясь и исчезая. Он спокоен, чуть ироничен, не слишком, кажется, обеспокоен тем — “что останется”.

И — контрапункт:

...душу выдохнув, бессмертие задую...

Возможность, стало быть, не исключается.

Бродский говорил, что жизнь – штука невеселая, особенно если помнить, чем она кончается. В книге поэта *печаль* преобразается в лирический *тон* мелодии. Мотив вполне традиционный – и *свой*.

Мне думается, что у книги лирики не может быть *предисловия*.

Хотя бы потому, что *до* стиха – только ритм и звук, еще не встретившиеся, не сошедшиеся в единой *форме*, в слове.

Вот *после* – сколько угодно: впечатления, мнения, согласия-несогласия.

Или *во время* чтения – размышления, ассоциации, прозаические отступления от лирики и возвращения к ней, пометы на полях, *в воздухе* между столбцом стихов и краем белого листа.

Так и возникли эти заметки.

сентябрь-октябрь 2002,
Мюнхен

В "БИБЛИОТЕКЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ЖУРНАЛА"

в 1999 — 2002 годах вышли книги:

Дина РУБИНА

"Высокая вода венецианцев"

Елена АКСЕЛЬРОД и Михаил ЯХИЛЕВИЧ

"Стена в пустыне"

Юлий КИМ

"Путешествие к маяку"

Зинаида ПАЛВАНОВА и Вениамин КЛЕЦЕЛЬ

"Иерусалимские картинки"

Наум БАСОВСКИЙ

"Полнозвучие"

Илья БОКШТЕЙН

"Быть я любимым хотел..."

Дмитрий СУХАРЕВ

"Холмы"

Игорь ГУБЕРМАН

"Книга странствий"

Григорий КАНОВИЧ

"Лики во тьме"

Марк ВЕЙЦМАН

"Третья попытка"

Игорь ГУБЕРМАН

"Гарики предпоследние"

а также первый диск из серии

"ИЕРУСАЛИМСКИЙ АЛЬБОМ" (авторская песня в Израиле).

Александр ДОВ (Медведенко), Юлий КИМ, Дмитрий
КИМЕЛЬФЕЛЬД, Марина МЕЛАМЕД, Михаил ФЕЛЬДМАН

Готовятся к печати:

Илья БОКШТЕЙН. Говорит звезда с луной.

(Избранные публикации для новых читателей)

Стихи Йоны ВОЛАХ в переводе Ольги РОГАЧЕВОЙ

Новая книга стихов Владимира ДРУКА

Первая книга прозы Марины МЕЛАМЕД

Новая книга стихов Зинаиды ПАЛВАНОВОЙ

Новая книга стихов Сусанны ЧЕРНОБРОВОЙ

Творческое объединение “Иерусалимская антология”

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ЖУРНАЛ

Современная израильская литература на русском языке

Jerusalem Literary Review,
P.O.B. 32297, Jerusalem 91322, Israel
Тел.: 972-2-6720025.
E-mail: review@antho.net

Стоимость годовой подписки (4 номера):
в Израиле – 128 шек., включая пересылку,
в странах Западной Европы и Северной Америки – \$ 64,
включая пересылку.

По вопросам подписки и распространения: 972-2-6451288
E-mail: olvic@012.net.il

ИЕРУСАЛИМСКИЙ АЛЬБОМ

Авторская песня в Израиле на русском языке. Выпуск 1:

Александр ДОВ (МЕДВЕДЕНКО)
Юлий КИМ
Дмитрий КИМЕЛЬФЕЛЬД
Марина МЕЛАМЕД
Михаил ФЕЛЬДМАН

JERUSALEM ANTHOLOGIA – WWW.ANTHO.NET
Музей современных израильских художников

Смотрите коллекции работ Александра АДОНИНА, Анатолия БАРАТЫНСКОГО, Лиоры БАРШТЕЙН, Николая БЕЗЗУБОВА, Александра Гуревича, Лен ЗАРЕМБО, Гарика ЗИЛЬБЕРМАНА, Бориса КАРАВАНОВА, Бориса КАРАФЕЛОВА, Бориса КИНКУЛЬКИНА, Вениамина КЛЕЦЕЛЯ, Григория КОЭЛЕТА, Эммануила ЛИПКИНДА, Ителлы МАСТБАУМ, Карины МИХАЛЬ, Михаила МОРГЕНШТЕРНА, Бориса ЛЕКАРЯ, Александра ОКУНЯ, Юлии СЕГАЛ, Зелия СМЕХОВА, Сергея ТЕРЯЕВА, Якова ФЕЛЬДМАНА, Давида ХАНАНА, Юлии ШУЛЬМАН, Сусанны ЧЕРНОБРОВОЙ, Михаила ЯХИЛЕВИЧА и других мастеров искусства.

Содержание:

	стр.
О наगरадах — не грезил...	4
Из книги “Черепкү”	
О, будь светла, ночная мгла...	7
И ночь в глазах...	8
Александру Блоку	
1. Проели, пропили...	9
2. То ли сердце источилось...	10
3. Я стою посередине...	11
4. ...а поздно вечером в соборе...	12
Я приснился себе молодым...	13
Хочешь, не хочешь — душа на замке...	14
Столб соляной...	15
И просыпаться вновь...	16
Городище Трувора...	17
Чужие судьбы, вписанные в свитки...	18
Какие песни пели боги...	19
Ольгины пороги	20
Как пейсы, вьются вниз города...	21
С горы Кармель пытаюсь облака...	22
Из книги “Летаргия”	
Я тку за пятнадцать грошей полотно...	25
Моя биография? Ради чего...	26
Мы к Альбиону плыли на пароме...	27
Пока серебрится дождик и парк...	28
Изумрудны стеклышки осколков...	29
А в Париже березы не хуже, чем те...	30
На грязном побережье Лимасоля...	31
Шуршит кора седая эвкалиптов...	32
Пусть волны мне шепчут: “Ночи и дни...”	33
Ты живешь, и хуже — не будет...	34
Узелки	
1. Я, как и все, в своем житейском сне...	35
2. Читаю “Песню песней” и твержу...	36
3. Качается в озере лодка заката...	37
Проклятая муза, старуха, ну чем...	38

Алеф, бет, гимел, далет...

	стр.
н	
За углом от Бен-Иегуды...	41
Почти в блокадной суматохе...	42
Ну как там, Бродский, на свете новом?	44
Лижут медленные волны...	45
Как один поэт другому...	46
Санта-Маринелла	48
Не зря же я приветствую рассвет...	49
Листая книгу тонкую, дичок...	50
А в городе вечном дано усмотреть...	51
Но я еще, клянусь тебе, увижу...	52
з	
Я Рим люблю не столько за красу...	55
Возле банка Святого Духа...	56
Бег по Кóрсо: вечереют лица...	58
Романс	59
Что рассказать, Челлини, о себе?	60
Площадь Испании	62
А я и не знал, что от Рима глупеют...	63
На вилле Адда римская дремота...	64
Треть нашей жизни кажется содомом...	65
д	
Иудейский серп...	67
В отказе я придумывал забаву...	68
У Нисима всегда перед субботой...	69
Геенна Огненная? Тихий Бней-Хинном...	70
Тихие сумерки. Воздух рассеян...	71
На самом краю преисподней...	72
С холмов Хеврона льется тусклый свет...	73
т	
В понедельник сползала за Плаку...	75
Фабула вторника...	76
У четверга нелегкая работа...	78
Гречанки отнюдь не похожи...	80
Солнце ль нещадно палит?	81
Под гекзаметр мифов и стóпы историй...	82

האוניברסיטה העברית בירושלים

THE HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM

שם: ד"ר

טוורצבנד שמואל

САМУИЛ ШВАРЦБАНД

SHMUEL SHVARISBAND

Родился в 1940 г. в Ленинграде

В Израиле - с 1982 г.

נושא תעודה זו נמנה עם סגל העובדים של האוניברסיטה העברית
THE BEARER OF THIS CARD IS A STAFF MEMBER OF THE HEBREW UNIVERSITY

Автор двух поэтических книг:

1990 — “Черепки”

1995 — “Летаргия”

